

Сергей Шкаев,
«БРЕМЯ ЗАКЛАННЯ»

Из предисловия:

Я пишу Книгу. Книга пашет меня
Собой, как плугом. Бороздит мои
Душу и мозг. На душе не оставляя борозд,
Как в море синем от пахоты килем.
А мозги – те в извилинах. Книга
Лемехом плуга отваливает серое вещество,
Я леплю из него, как из праха земного,
Каких-то неизвестных миру людей.
Наделяю их Разумом и Словом.
Они требуют дыхания жизни,
Голые бродят по колено во мне,
Кого-то ищут во тьме, без огня.
Даю им Свет, проводя ток по жилам.
Они хотят есть, пить и жить.
Им нужны независимость от меня
И голые бабы. Кому невтерпёж,
тех ловлю поодиночке. Ну, что ж! –
И усыпляю, потом рву им рёбра.
Из кости безмозглой делаю жён,
Клеем костным леплю их к людям,
Которых вылепил раньше.
Всем по одной. А каждая Дама
Просит слова, Рая и древо
Познания, яблок и Змея.
Потом – одежды. И каждой паре

Подай светёлку. Узнав, что к чему,
И став одной плотью, они желают
Уединиться. Потом во мне, вождедея
Друг дружку, сходят с ума от любви.
А после – намерены расплодиться.
И плодятся. Растят из малых
Себе подобных. И снова требуют
От меня свободы действий, права
И денег. А не даю – берут их
Сами, когда я сплю... Они мне снятся
По одному или все – ночами.
И каждый жаждет пройти в Герои.
Да непременно – в Протагонисты.
Подай им подвиг и монолог – побольше.
И режут мозг мне, крича: «Проснись Ты!»
...Я просыпаюсь, а тихий ужас
ползёт мне в душу.
В углу – мой стол и листы бумаги.
На них – ни слова о тех, кто снился.
А Книга пашет меня, как плугом.
Сказать по правде? Да, очень больно...

КАРТИНА XI

Фрагмент десятый.

Облава в Китай-городе. Обретение имени Каин.

Святки, вьюжная ночь. Подьячий Пётр Донской из Сыскного приказа понёс «в складках тоги» не мир, но войну преступным шайкам. Плечом к

плечу с ним – добровольец Ванька Осипов, заобычный к розбойным делам. Официальное лицо, переодетое в офицерский мундир. Обоим, словно опричникам, разрешено всё, кроме вхождения в знатные господские дома. 14 надёжных солдат с факелами молчаливым строем идут позади. Им приказали: «Ату!», и каждый готов порвать зубами разбойников. Замыкает шествие пара крытых одноконных линеек с горящими фонарями и лавками внутри для сидения боком. Лошадей под уздцы ведут дюжие извозчики, нанятые в обмен на попустительство.

Мороз и ветер во тьме на пустырях, так и не обжитых после пожара 737 года. В Москве – первый час пополуночи. Время убивать татьбу и время исцелять Китай-город. Время отыскивать в Зарядье и время не дать потеряться в Мокринском, Кривом, Ершовом переулках за церковью Зачатия Анны в Углу. По Зарядке – самом тёмном и грязном китай-городском месте – днём и ночью только с командой солдат ходить не боязно. Подворотни, извивы улочек. Страшный людской муравейник, где в соседстве живут богатые и бедные. Во дворцах – Бибиковы, Топильские, Вяземские, Ушаковы. В хижинах, снегом крытых, ветром обнесённых – голь голимая да подлая перетыка: фабричные рабы, оброчные крестьяне, разорившиеся купцы, беглые солдаты, застарелые да юные вдовушки. Никто не сведал о ночной облаве. Даже десятские и сотские, бывшие в сговоре с мошенниками.

Первым по счёту команда Донского и Осипова окружила дом мещанина Ивана Васильева у Москворецких ворот. Ванька с тремя подручными, словно воры понизовые, ловко подломали крепкие двери в сенях. Ворвались в притон, а там – пьянка при свечах, разгул, сквернословие. Три потаскухи, елозившие на чужих коленках, соскочили, визжа, и подолы обдёрнули. Два облома – за ножи и чуть было в драку не дёрнулись! Кто не шибко пьян, zenки вперили, алча мщения незванным гостям. Выстрел из пистолета в бутылку с водкой отрезвил атамана Яшку Зуева. Его скрутили и выволокли на холод, как был в рубахе. И с

остальными не тюткались – мордами в заплёванный пол, руки вервием стянули. Крик, стон, хруст костей. Вчера вы чванились мощнами, а ныне грязь под ногами! Солдаты сунули в линейки 20 человек и – в Сыскной под охраной.

Закрутило мотовило! Осипов ведёт по ночи и пальцем указывает Донскому на подворья, где в домах окопались бывшие «товарыщи ево мошенники». В притоне у ружейного мастера все вповалку, пьяные, дрыхнут воровские люди. 15 рыл во главе с Николаем Пивом. Сонных выволокли на снег и приставили к стенке лицами. Факела подняты над головами, ветром срывает пламя. Фантасмагоре в ночи! Пятеро босые, пляшут и обувку слёзно вымаливают. Ванька-сексот посмеивается, своего лица не прячет. Принёс бахилы и валенки: «Налетай, братва, я нонеча добренький!».

– Каин ты растрепоганый! – тихо шепчет Колька. – У нас фомки востры, приткнём тебя вскорости. Берегись, отродье Иудино!

Доносчик сжал персты в знаменье креста и осенился, а потом ка-ак двинул кулаком в Пивину харю. Прости, Господи! Тот упал с полным ртом зубного крошева. Поднялся вверх по стеночке, ножонки дрожат.

– Это тебе за Каина! – процедил Иван и пнул негодяя в седалище. – И за отродье, за Иудино... А ну-ка, сарынь поганая, бегом по одному в линейки!

Побежали. Лошади ржанули пугливо. Солдаты отвезли «пивную партию» в Сыскной и – назад к Донскому. Князь Кропоткин отправил с ними на подмогу 24 драгуна во главе с вечным сержантом Петром Дарановским. Три часа не в убыток канули. Ловцов много, на всех зверей хватит. Ванька указал им сразу три притона: в домах диакона Алексея Якимова, что у порохового цейхгауза, и священников Ильи Елисеева и Ивана Леонтьева. Разделились на три команды, окружили подворья. Мышь не проскользнёт! 45 постояльцев выгребли и пешком повели – благо, что в Китай-городе обретались. В четыре утра за

Москва-рекой накрыли в татарских банях 16 армейских утеклецов. Сидят тверёзные и жрут хворост-ураму с мёдом, чайком запивают. Обыскали – а у них ружья наготове и порох сухой. Опоздай Осипов с Донским на полчаса, и быть беде. Не тут, а в Сыромятниках. Шайка наострилась грабить надсмотрщика Крепостной конторы Авраама Худякова.

Солдаты и драгуны устали. Злые, голодные. Кафтаны сняли, умылись горячей водой. Шкаф открыли, а там два круглых губадия-пирога с рисом, мясом, рублеными яйцами и курагой. А ещё белый хлебец, с запечённым изюмом. Чай, пироги и изюмник смели подчистую, но отдыхать-то в баньке недосуг. Ванька говорит Петру, что против устья Яузы, на берегу, стоит струг с чердаком, в нём-де мнимые бурлаки ночуют. Добрался отряд и до речной вольницы. Вывели из каюты на рассвет божий семерых мужиков. У каждого – паспорт липовый. Воры! Повязали и – в Сыскной приказ.

У Главного судьи настроение с утра превосходное. Принаряженный, ходит нервно по свежебеленой палате из угла в угол, руки потирает. К нему заехал, чтоб поздравить с успешной облавой и заодно обласкать похвалой доносителя, Андрей Ушаков, начальник Тайной розыскной канцелярии. Оба рады-радешеньки! В остроге почти полтора ста преступников! Тесно им, как селёдкам в бочонке, зато в Китай-городе просторно да в Москве спокойнее. Кто ж мог чаять такой surprise от Каина? Да, именно так – Каина. Никто!

Якову Никитичу уже доложили, что разбойники клянут Осипова, просят Бога им помочь, а Ваньку в неправде запинать. То есть, бросить под ноги арестованных татей, для их спотычки об окаянного предателя. Размечтались! Князь Кропоткин готов не только чарочку водки поднести, но и расцеловать в небритые ланиты. Доносчик, уставший, как брехливая дворняга, приполз в Сыскной приказ вместе с последней ватагой арестантов и слышит отовсюду: «Каин! Каин! Каин!». Выходят из-за столов секретари, копиисты и прочая глянуть на изменщика и суму

перемётную. Адъютант Василий Есипов, осунувшийся за ночь и тоже усталый, проводил его на второй этаж к Начальнику и оставил у двери. Сам же спустился приструнить синекурщиков и заставить их работать.

Иван, не решаясь сразу войти, смотрел на дубовые половины, обитые красной, стёганой полстью. Вдохнул животом два раза, перекрестился и вошёл на княжий зов: «Эй, Осипов! Ну где ты там?». В комнате пахло свежей известью, от изразцовой печи несло теплом. Ванька, растерявшись, не знал, кому первому кланяться. В палате – двое! Яков Никитич и Андрей Иванович. Величественный старик был одет в тот же самый парадно-выходной кафтан, в котором шесть лет назад допрашивал княжну Прасковью-Сюйду Юсупову. На голове его тот же крупно завитой парик с чёрной лентой в косице, на пальцах – те же кольца и перстни.

Он сидел за столом в том же самом кресле, что и в 1735-м на допросе, и орден Святого Александра Невского на красной ленте так же сиял рубиновой эмалью под правым локтем. Ушаков тяжёлым, немигающим взглядом уставился на вошедшего. Осипов слышал от дружков, что дед гипнотически выведывает мысли и сам жестоко истязает, и потому не рискнул смотреть в очи. Потупился, кланяясь ему первому.

– Вот, Андрей Иванович, наш герой, – князь ткнул пальцем воздух, – По доносу за ночь взяли, сколько за год поймать не могли. И ведь самых отбойных мерзавцев!

– Восстал, значит, на братьев своих? – сурово спросил доносителя могучий Ушаков, прозванный в юности «Детиной» и служивший в Преображенском полку. – Ты ж наверняка объятый завистью решился прийти в Сыскной приказ.

– Никак нет, Ваше господское сиятельство!

– Что «никак нет»? Не восстал или завистью не объят?

– Восстал, но не объят!

– Считаешь ли ты себя предателем?

– Нет. Я покаяться пред Судом и желаю искоренить продерзости и разбои в Москве.

– Один искоренишь? Ты при мне-то с князем себя в квадрат не возводи. По харе твоей вижу, супостат, – врѣшь, но так убедительно, что хочется верить. Да, Яков Никитич?

– Обманывает, сукин сын. Однако, Андрей Иваныч, делать нечего. Возьмём его в сыщики. Синекура наша расписалась в бессилии... Подь сюды, Ванюша. На-кось, хлебни, – главный судья, не гнушаясь подлого человека, налил из графина полстакана перцовки. – Аскарнды сдохнут. Человек должен быть прекрасен и изнутри. Вот послушай...

– Премного благодарен, Ваше высокое сиятельство! – Осипов не знал, кто такие синекурая баба, аскарнды и что означает слово квадрат. Он выплеснул водку в себя и, занюхав обшлагом мундира, отступил на шаг от стола. В голове зашумело.

Князь Кропоткин открыл по закладке Книгу Притчей Соломоновых и прочёл вору-оборотню: **«Не злоумышляй, нечестивый, против жилища праведника, не опустошай места покоя его, ибо семь раз упадёт праведник, и встанет; а нечестивые впадут в погибель. Не радуйся, когда упадёт враг твой, и да не веселится сердце твоё, когда он споткнётся. Иначе, увидит Господь, и неугодно будет это в очах Его...».**